Текст · 19 марта 2020, 13:25
Никита Сологуб, Анна Козкина,

«Вам самим не смешно?». В МВД продолжают работать оперативники, подбросившие амфетамин москвичу, дело которого суд прекратил после трех лет за решеткой

В 2016 году москвич Александр Борисов получил четыре с половиной года колонии по обвинению в хранении амфетамина. С самого начала молодой человек настаивал, что наркотик ему подбросили при задержании. Прошлым летом ЕСПЧ вынес решение в его пользу, Верховный суд направил дело на пересмотр, и Борисова освободили с правом на реабилитацию. Оперативники, участвовавшие в его задержании, продолжают работать в МВД.

---

13 марта, Тимирязевский районный суд Москвы. У одного из залов начала заседания ждет компания друзей. Один из них — 31-летний подсудимый Александр Борисов, молчаливый молодой человек со щетиной, в кепке и белом худи. Пока остальные шутят и обсуждают детали уголовного дела, он, заметно волнуясь, ходит по коридору от стены к стене. На пороге зала Борисов снимает кепку.

Идут прения по ходатайству прокуратуры о прекращении уголовного дела, выступает адвокат Леонид Соловьев. Он просит реабилитировать своего подзащитного, называет действия задержавших его оперативников превышением должностных полномочий и критикует доказательства обвинения.

Подсудимый слушает, сложив руки на скамье, потом откидывается на спинку. Соловьев завершает свое выступление требованием прекратить дело.

Сам Борисов выступать в прениях отказывается. «Нет, я говорить ничего не буду, адвокат уже все сказал», — объясняет он, заодно отказываясь и от права на последнее слово.

Судья Дмитрий Рысенков объявляет перерыв. В ожидании решения Борисов молчит, стоя в стороне от друзей. «Давайте сконцентрируемся и все положительные эмоции направим в голову господина Рысенкова», — говорит кто-то из близких подсудимого.

Через несколько минут судья возвращается. Он зачитывает постановление и прекращает дело, по которому в сентябре 2016 года тот же Тимирязевский суд приговорил молодого человека к четырем с половиной годам лишения свободы.

Один из друзей Борисова обращается к судье: «Спасибо». Сестра молодого человека плачет. «Мама, я вас поздравляю, мы оправданы! Все обвинения сняты!» — говорит в телефон девушка из группы поддержки. Сам Борисов выходит из зала молча.

Он провел в СИЗО и колонии три с половиной года, а оперативники, участвовавшие в его задержании, наказаны так и не были.

С юга на север

Александр Борисов — четвертый ребенок в небогатой семье из Восточного Дегунино, спального района на северной окраине Москвы. Окончив девять классов, он бросил школу и пошел работать на завод неподалеку от дома. В 18 лет он попробовал[1] гашиш и амфетамин, которые, по его словам, употреблял «от случая к случаю», в 20 — женился и вскоре стал отцом двоих детей, в 23 — развелся по инициативе жены.

В 2015 году, когда Борисову было 27 лет, оперативники из Восточного Дегунино задержали его с 0,8 грамма амфетамина. Молодой человек дал признательные показания и попросил об особом порядке рассмотрения дела; оно расследовалось по части 1 статьи 228 УК (хранение наркотиков в значительном размере). Тимирязевский суд Москвы учел раскаяние, наличие малолетних детей на иждивении, положительные характеристики, отсутствие жалоб на подсудимого и приговорил его к полутора месяцам лишения свободы условно.

Приговор «возымел на Сашу большое влияние», говорила[2] его старшая сестра Елена Отц; случившееся сильно расстроило пожилую мать и бабушку, которые жили вместе с молодым человеком, поэтому, уверена Елена, брат навсегда перестал употреблять наркотики. По ее словам, у брата была и другая причина воздерживаться от запрещенных веществ: оперативники ФСКН пытались «поднять старые связи с дилерами» и предлагали Борисову стать их агентом, он неизменно отказывался и не хотел подставляться.

Вечером 17 февраля 2016 года, когда Александр ехал со своей девушкой домой, ему позвонил его друг и ровесник Владимир Дергачев; в 2009 году он тоже был осужден по части 1 статьи 228 УК к условному сроку. Приятель жил в соседнем доме и предложил Борисову выпить пива и пообщаться.

Около восьми вечера Борисов поднялся на лестничную клетку к Дергачеву; тот сказал, что не одет, и попросил подождать его. Когда молодые люди спустились на первый этаж, у дверей лифта их встретили пятеро мужчин, у одного из которых в руках был пистолет. Друзей развели по разным этажам. Руководивший операцией оперативник Роман Герасимов — как выяснилось позже, служивший в управлении ФСКН по Южному административному округу Москвы, хотя задержание происходило в Северном — тщательно обыскал Борисова, но ничего запрещенного не нашел; тогда процедуру повторил его коллега Илья Мурашев.

После этого приятелей усадили в служебную машину и приказали ждать, за спиной Борисова оперативники застегнули наручники. Спустя час с небольшим Герасимов вернулся с понятыми — оба они, как и сами полицейские, оказались из южного района Царицыно: безработными, которые жили в одной квартире.

Герасимов вывел Борисова из машины на улицу и объявил о начале процедуры досмотра. Он прохлопал карманы, заставил снять обувь и носки; один из оперативников придерживал молодого человека за руку, чтобы тот не упал. Каждый

раз, когда оставшийся в машине Дергачев пытался посмотреть в окно, полицейский приказывал ему отвернуться. По словам Борисова, когда он надел ботинки, Герасимов засунул руку в карман его куртки и продемонстрировал понятым два свертка с порошкообразным веществом. В этот момент молодой человек, по его словам, спросил: «Вам самим не смешно?». Затем полицейские досмотрели Дергачева, но не слишком старательно — его даже не заставили снять ботинки; ничего запрещенного они не нашли.

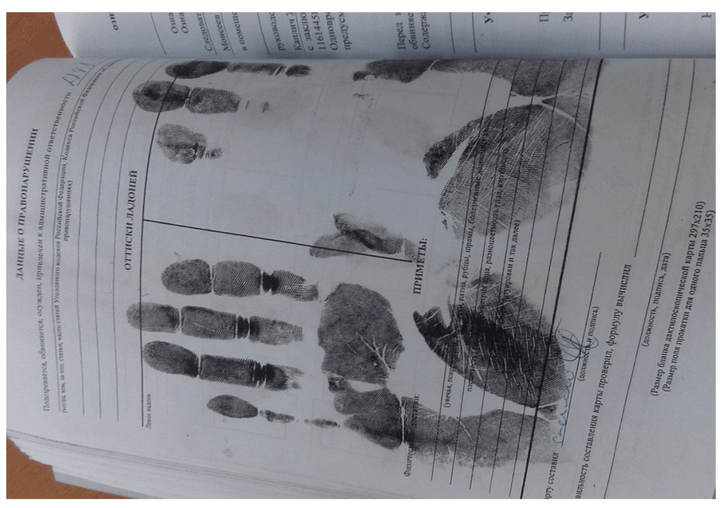
После этого обоих задержанных повезли на обыск к Борисову. Хотя жил он в соседнем доме, оперативники посадили молодых людей в машину и возили их по району в течение часа. Обыск в квартире, где на тот момент находилась мама задержанного молодого человека, начался около 23:00; за сорок минут оперативники не нашли ничего запрещенного. Все это время, уверяет Борисов, Герасимов убеждал его, что если он будет сотрудничать, то останется дома.

«Потом нас возили из отдела в отдел. Я должен был подписать показания о том, что я якобы приобретал наркотики у Дергачева. Я сказал, что ничего не приобретал. Мы поехали в УФСКН[3],

ночь я провел там, наутро рассказал следователю все так, как было. Потом меня возили на смывы, отпечатки, медицинское освидетельствование. Герасимов неоднократно просил меня сдать людей, сказать, что я у Вовы [Дергачева] купил наркотики, но я у него ничего не приобретал. Долгое время они просили меня кого-то сдать, [но] я отказался с ними

сотрудничать, так как сдавать мне было некого и незачем», — объяснял[4] позже Борисов.

После обыска Дергачева отпустили в статусе свидетеля под обязательство о явке. Борисова же 20 февраля, через трое суток после фактического задержания, заключили под стражу, предъявив ему обвинение по части 2 статьи 228 УК (хранение наркотиков в крупном размере без цели сбыта) — изъятым веществом оказались 1,2 грамма амфетамина. По словам молодого человека, вплоть до водворения в СИЗО его, не снимая наручников, «возили по отделам то в САО, то в ЮАО», где он «ночевал на диванах и на полу», «пристегнутый к батарее».

Оттиск ладоней Александра Борисова. Фото: из материалов дела

«Мы сотрудники УФСКН по Москве и имеем право работать по всей Москве»

Протокол задержания Борисова оформили лишь спустя сутки после того, как оперативники встретили молодого человека у дверей лифта: вечером 18 февраля 2016 года; тогда же следственная служба ФСКН возбудила в отношении него уголовное дело. Поводом послужили материалы проверки, которые собрал Герасимов.

В составленном накануне утром рапорте оперативник, работавший в Царицыно, писал, что располагает информацией: на диаметрально противоположном конце города, в Восточном Дегунино, Борисов и «неустановленное лицо по имени Владимир» сбывают амфетамин в подъезде одного из домов. По оперативным данным, уверял Герасимов, подельники планировали продать очередную партию тем же вечером. В связи с этим он попросил у начальства разрешения на оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение».

Согласно составленной Герасимовым справке по результатам «наблюдения», через один час и десять минут после фактического задержания Борисова наркополицейские с участием приехавших из Царицыно понятых в ходе досмотра нашли у него амфетамин; что происходило до этого, оперативник в документе не объяснял. Затем задержанных отвезли на медосвидетельствование: если верить протоколу, в крови у обоих якобы обнаружили каннабиноиды и амфетамин.

Поскольку Борисов и Герасимов давали разные показания, перед арестом следователь ФСКН провела между ними очную ставку. Обвиняемый настаивал, что наркополицейские инсценировали изъятие наркотика.

«Я категорически утверждаю, что не имел при себе психотропного вещества, у меня было невозможно его изъять, потому что у меня его не было. Я расцениваю эту ситуацию как инсценировку, — говорил Борисов на очной ставке. — Я прошу разобраться и отпустить меня, я не совершал

никаких противоправных действий. В этот день я употребил лишь небольшое количество пива. <...> Я категорически утверждаю, что [Герасимов] с участием других сотрудников неоднократно в подъезде меня обыскивал, и именно, он впоследствии на улице инсценировал якобы изъятие у меня двух свертков, как оказалось, с амфетамином. Прошу дать надлежащую оценку противоправным действиям сотрудников». Тем не менее, суд отправил молодого человека в СИЗО.

За три месяца следствия следователь ФСКН назначила три экспертизы. Судебно-психиатрическая показала, что обвиняемый не имеет признаков синдрома зависимости от психоактивных веществ и в медицинской реабилитации не нуждается. Исследование свертков, якобы изъятых у Борисова, не нашло на них отпечатков пальцев, пригодных для идентификации личности. Экспертиза смывов рук, взятых у молодого человека сразу после задержания, не обнаружила на них следов каких-либо наркотиков. Чтобы доказать свою невиновность, Борисов даже просил проверить себя и Герасимова на полиграфе, однако оперативник от исследования отказался, а при тестировании самого обвиняемого эксперт заключил: ответить на вопрос, знал ли Борисов до момента задержания, что у него при себе есть амфетамин, «не представляется возможным».

В результате единственными доказательствами, вошедшими в обвинительное заключение, кроме протокола досмотра и изъятия амфетамина, справки о его исследовании, протокола медицинского освидетельствования и составленной Герасимовым

справки оказались показания самого оперативника, его коллеги Мурашова и понятых.

Дело в отношении Борисова поступило в Тимирязевский райсуд в июне 2016 года. Оперативник Герасимов, на тот момент не работавший из-за расформирования ФСКН, на допросе категорически отрицал, что он или его коллеги могли подкинуть молодому человеку наркотики. Пытаясь объяснить, почему полицейские из Южного округа работали в Северном, он сказал[5]:

«Мы сотрудники УФСКН по Москве и имеем право работать по всей Москве».

Нашлось у оперативника объяснение и тому, что оперативно-розыскное мероприятие не фиксировалось на видеокамеру, как требуют должностные инструкции — Герасимов рассказал, что у камеры сел аккумулятор.

Понятые Алексей Чернышов и Петр Попов в суде рассказали, что в тот день ездили «по поводу работы»; мужчины уже возвращались домой и «вышли из метро», когда к ним подошли полицейские и попросили поучаствовать в досмотре. Те согласились; из кармана куртки Борисова, настаивал Попов, были изъяты два свертка с порошкообразным веществом. Когда у Попова спросили, выступал ли он понятым в подобных делах ранее, тот ответил: «Возможно».

Одна из сестер подсудимого Кристина Борисова, которая приезжала в ФСКН по Северному округу Москвы после задержания Александра, рассказала, что, когда брат был на допросе, стоявший с ней в коридоре оперативник Герасимов

«неоднократно задавал вопросы о возможных продавцах наркотиков»; Кристина ответила, что не знает таких людей.

«Герасимов рассказывал, как они подкидывают наркотики для того, чтобы сажать барыг. <…> Во время ожидания [суда] по мере пресечения Герасимов неоднократно предлагал мне сотрудничество — называл фамилию необходимого ему человека, которого я должна была найти, установить его место жительства и предоставить ему информацию для задержания, на что я спросила, откуда у этого человека могут быть наркотические средства, если он этим не занимается, на что Герасимов сказал, что все сделает для того, чтобы они были», — говорила Борисова.

12 сентября 2016 года Тимирязевский следственный отдел управления СК по Москве отказал в возбуждении в отношении Герасимова и Мурашова уголовного дела по части 4 статьи 303 УК (фальсификация результатов ОРМ в целях привлечения к ответственности лица, заведомо непричастного к преступлению).

Через 10 дней, 22 сентября, судья Тимирязевского суда Наталья Лифанова огласила приговор Борисову. Показания подсудимого о том, что изъятое вещество подбросил оперативник Герасимов, она расценила как попытку уйти от ответственности. В результате ему назначили четыре с половиной года колонии. Вместе с отмененным условным сроком за первую судимость итоговым наказанием стали четыре с половиной года общего режима.

ЕСПЧ в Тимирязевском суде

Вскоре Борисов отправился отбывать наказание в ИК-3 в Тамбовской области. В ноябре 2016 года его сестра Елена Отц попала на личный прием к депутату Сергею Шаргунову, который попросил прокурора Москвы проверить материалы дела. Рассмотрев жалобу за месяц, надзорное ведомство решило не принимать мер прокурорского реагирования.

В начале 2017 года Борисов подал в прокуратуру свою собственную жалобу, в котором указал на главный, по его оценке, недостаток следствия. «Как следует из материалов уголовного дела, при задержании не присутствовало понятых, их доставили на место [уже после] задержания. То есть у сотрудников УФСКН РФ была реальная возможность подбросить наркотическое средство в карман в отсутствие понятых. Такая версия не проверялась судом. При данных обстоятельствах версия о хранении мной наркотического средства с собственным умыслом вызывает сомнения», — писал он. Однако прокуратура не отрегировала и на этот раз.

Когда приговор исчерпал все возможности для обжалования в России, защита Борисова обратилась в ЕСПЧ. На стадии коммуникации жалобы сестра осужденного связалась с международной правозащитной группой «Агора», и к делу подключилась адвокат Ирина Хрунова.

Решение ЕСПЧ было вынесено 9 июля 2019 года — на этот раз в пользу Борисова. «Ни одна из сторон не оспаривает тот факт, что досмотр заявителя не был проведен сразу после его

фактического задержания, а случился более чем через час. ЕСПЧ считает, что неспособность полиции провести досмотр сразу же после задержания без уважительной причины вызывает обоснованные опасения относительно правомерности полученных таким образом доказательств, — заключили в Страсбургском суде. <...> — На момент досмотра заявитель находился под контролем полицейских более часа, но никто не говорит о каких-либо особых обстоятельствах, делающих невозможным проведение досмотра сразу после задержания. <...> Также суд не может упустить из виду тот факт, что задержание не было задокументировало полицией — хотя ни одна из сторон не оспаривает, что задержан заявитель был в 20:15, официальный протокол задержания был составлен лишь вечером 18 февраля 2016 года».

В результате ЕСПЧ признал, что Россия нарушила пункт 1 статьи 6 Европейской конвенции по защите прав и свобод человека, который гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, и присудил Борисову 5 тысяч 200 евро компенсации морального вреда и 2 тысячи 711 евро в счет судебных издержек.

Как объясняет адвокат Хрунова, ЕСПЧ встал на сторону Борисова, поскольку главным доказательством в многочисленных «наркотических» делах из России остается протокол досмотра, который в этом случае был составлен с очевидными нарушениями.

«Применяться могут любые доказательства, но этим протоколом закреплено, что в присутствии понятых у

заявителя было обнаружено наркотическое средство. И это как раз ненадлежащим образом было исполнено в деле Борисова. ЕСПЧ может обсуждать и другие доказательства по делу, но ему этого не нужно, потому что для того, чтобы признать разбирательство справедливым или несправедливым, ему нужно разобрать лишь одно это единственное и главное доказательство. И в этом случае он это сделал», — говорит адвокат.

Через четыре месяца председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев внес в президиум суда представление: он назвал постановление Страсбурга новым обстоятельством, из-за которого дело Борисова нужно заново рассмотреть в первой инстанции. Президиум представление удовлетворил: 30 октября 2019 года, через три с половиной года после ареста, осужденный был освобожден из колонии под подписку о невыезде, а его дело — отправлено на новое рассмотрение другим составом Тимирязевского суда.

Проигнорировать решение ЕСПЧ Верховный суд не мог, отмечает Ирина Хрунова. «Конечно, у президиума было право вынести любое другое решение — он мог изменить приговор, он мог отменить приговор, он мог оставить приговор без изменения, но посчитал, что лучше будет отправить дело на пересмотр», — говорит она.

На втором процессе интересы Борисова представлял другой адвокат «Агоры» — Леонид Соловьев. К началу нового суда один из понятых — Алексей Чернышев — скончался, приятель Борисова Владимир Дергачев получил десять с половиной лет по обвинению в попытке сбыта[6] почти четырех граммов амфетамина,

а оперативники Герасимов и Мурашов перешли работать на те же должности в УВД по САО. В суде они продолжили настаивать на своей невиновности.

После изучения всех представленных суду доказательств прокурор в прениях отказался от обвинения, признав, что «совокупности собранных органом предварительного следствия доказательств недостаточно для вывода о виновности в совершении инкриминируемого преступления», а это указывает на «отсутствие в действиях Борисова состава преступления».

Адвокат Соловьев говорит, что теперь прокуратура должна будет вынести частное определение в адрес МВД, которому предстоит объяснить, почему следствие в отсутствие достаточных доказательств обвинило Борисова. По мнению защитника, проверка должна будет возобновиться и в отношении оперативника Герасимова. Пока и он, и Мурашов продолжают служить в полиции.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Об этом сам Борисов рассказывал на психолого-психиатрической экспертизе; с «Медиазоной» он общаться отказался.
2. Слова родственников Борисова приводятся по материалам уголовного дела.
3. По Южному административному округу, где работал Герасимов.
4. Цитата приводится по протоколу судебного заседания, на котором допрашивали Борисова.
5. Цитата по протоколу судебного заседания.
6. Часть 3 статьи 30, пункт «г» части 4 статьи 228.1 УК.